

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

22—26 января 1971 г. в г. Самарканде состоялся межвузовский симпозиум «Фразеологизм и слово», в котором участвовало более ста пятидесяти ученых из 59 городов страны, из 70 вузов и научно-исследовательских учреждений. В докладах, поставленных на симпозиуме, выявлялись черты сходства и различия фразеологизма и слова, ставился вопрос о том, являются ли ФЕ самостоятельными единицами языка. Было обсуждено 26 предварительно опубликованных докладов¹ и более 100 прослушанных на симпозиуме сообщений. Работа симпозиума проходила без секций, что давало возможность детально обсудить затронутые проблемы.

Большинство участников симпозиума высказало мнение о том, что фразеологическую единицу нельзя считать эквивалентом слова, что можно говорить лишь о соотносительности фразеологизма и слова, так как семантические, морфологические и структурные различия ФЕ и слова дают все основания считать их различными единицами языка. Так, А. В. Кунин (Москва) в докладе «О соотносительности фразеологической единицы со словом» высказал мнение о том, что общность ФЕ и слова не следует преувеличивать и целесообразно теорию эквивалентности ФЕ слову заменить теорией соотносительности. ФЕ со словом. В докладе В. П. Жукова (Новгород) «Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом» говорилось о семантических, морфологических и синтаксических чертах сходства и различия между фразеологизмом и лексической единицей. Соотношение черт сходства и различия¹ ФЕ со словом не допускает возможности отождествления ФЕ со словом. М. М. Копыленко (Алма-Ата) и З. Д. Попова (Воронеж) в докладе «Лексемы и фразеологизмы как объекты языкознания» предложили шкалу идиоматичности, позволяющую описать любые обороты — от свободных до абсолютно идиоматичных. Следует отметить также сообщения В. Л. Архангельского (Тула)

«Знаковые константы слова и фразеологической единицы» и Г. А. Селиванова (Астрахань) «Заметки о современных теориях слова и фразеологизма».

Ряд докладов был посвящен семантическому аспекту проблемы ФЕ — слово. Оживленную дискуссию вызвал доклад Е. Н. Толякиной «К вопросу о значении слова и значении фразеологизма», содержащий спорное утверждение о том, что фразеологизмы, являясь знаками вторичного образования, обладают лишь структурно обусловленными значениями, которые не обладают номинативной функцией. Такие знаки-носители вторичной семантической функции появляются в системе языка на линии отбора языковых знаков, в синонимических рядах. И. И. Чернышева (Москва) в докладе «Некоторые семантические категории фразеологии в сопоставлении с категориями лексики» отстаивала точку зрения категориального отличия фразеологического значения от лексического.

М. И. Сидоренко (Череповец) в докладе «Из наблюдений над синонимическими связями наречных слов и фразеологизмов» отметил, что синонимические связи между словами, между словом и фразеологизмом и между самими фразеологизмами не могут быть идентичными: синонимы на каждом из уровней имеют свою специфику, предопределяемую семантикой, формой и функцией единиц каждого уровня.

В докладе Л. И. Ройзензона и А. М. Эмировой (Самарканд) «Фразеологическая и лексическая омонимия» содержалась мысль о том, что омонимические противопоставления во фразеологии в целом изоморфны аналогичным явлениям в сфере лексики. Вопросам антонимии слов и фразеологизмов на материале монгольского языка был посвящен доклад Г. Ц. Пюрбеева и Т. А. Бертагаева (Москва) «Антонимия слов и антонимия фразеологизмов в современном монгольском языке». В. Н. Телия (Москва) в докладе «О вариантности слов и вариантности идиом» выделяет различные сопоставимые типы вариантов идиом и слов и находит, что сходства с вариан-

¹ См. сб. «Вопросы фразеологии», 3, Самарканд, 1970 г.

ностью слов наблюдаются в тех звеньях структуры идиом, которые связаны с внутриморфемным признаком; различия же предопределены структурным различием этих единиц языка: например, лексико-синтаксическое варьирование характерно лишь для идиом.

Ю. Д. Апресян (Москва) в докладе «О свободных и фразеологических семантических связях внутри слова, словосочетания и словообразовательного типа» предложил для лексикографического описания явления полисемии использовать принципы, на которых строится лексикографическое описание словосочетаний и производных слов. М. Т. Тагиев (Баку) в докладе «Окружение фразеологизма и слова» обосновывает положение об окружении как различительном признаке фразеологизма. Н. М. Шанский (Москва) в докладе «Деривация слов и фразеологических оборотов» обосновывал идею изоморфности этих процессов.

В некоторых докладах сопоставление ФЕ и слова проводилось на материале отдельных групп ФЕ. А. Н. Кожин (Москва) в докладе «Термины-слова и термины-фразеологизмы» говорил о том, что словосочетания-термины (*лучевая болезнь, адамово яблоко, актонов огонь, белое вино*) не относятся к фразеологии; в отличие от них фразеологизмы типа *желтый дом, голубой экран* не должны быть причисляемы к разряду составных терминов. Р. Н. Попов (Череповец) в докладе «К вопросу об архаизации слова и фразеологических единиц и особой роли архаизмов в их структуре» показал различие между устаревшими словами и фразеологическими единицами, включающими архаизмы: первые находятся за пределами синхронной системы языка, тогда как вторые входят в нее. Доклад А. Н. Тихонова (Самарканд) «Наречные слова и выражения в современном русском языке» был посвящен вопросу об отношении к фразеологии предложно-именных оборотов типа *до упаду*. Дифференциация наречий (*на ходу, до упаду*) и фразеологизмов (*в возрасте и т. п.*) в различной степени семантической слитности имени и предлога. В докладе Л. И. Ройзензон и И. В. Абрамец (Самарканд) «О разных типах контаминаций» было проведено сопоставление явлений контаминаций на лексическом и фразеологическом уровнях.

Значительная часть докладов была посвящена рассмотрению проблемы ФЕ — слово на материале языков различных типов: «Слово и фразеологизм в иранских языках» рассмотрела Ю. Ю. Авалиани (Самарканд), «Фразеологизм и слово в китайском языке» — З. И. Баранова (Москва), «Фразеологизм и слово в современном амхарском языке» — Э. Б. Ганкин (Москва), в осе-

тинском языке — М. М. Исаев (Москва), в картвельских языках — А. Л. Онияни (Тбилиси), в монгольском языке — Г. Ц. Пюрбеев, Т. А. Бертагаев, в сомалийских языках — Н. М. Терещенко (Ленинград), в арабском — В. Д. Ушаков (Москва), в турецком — Р. Р. Юсипова (Москва). Этому же были посвящены целый ряд сообщений.

Проблема ФЕ — слово была рассмотрена на материале более тридцати языков, многие из которых для решения общетеоретических проблем фразеологии были привлечены впервые. Это следует считать одним из самых важных достижений симпозиума; оно было вызвано необходимостью выявить релевантные признаки фразеологизма. Обращение к большому числу языков различных типов обусловлено тем, что типологически разные языки должны обладать на фразеологическом уровне набором одинаковых признаков, которые позволили бы выработать единые критерии отграничения фразеологизмов от других единиц языка. Соотнесенность ФЕ и слова была показана на материале самых различных языков, и даже тех, где «наиболее типичной по своей структурно-грамматической модели является ФЕ-предложение, которое, покрывая собой понятие не только структурно-обязательного окружения, но и ближайшего контекста, тем не менее сохраняет свою соотнесенность со словом» (см. доклад Ю. Ю. Авалиани).

При обсуждении проблемы ФЕ — слово не мог остаться незамеченным вопрос о статусе фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины [сообщения А. В. Кунина, Г. Х. Ахунзянова (Казань), А. Г. Назаряна (Москва)], а также вопрос о предмете и границах фразеологии. Выявились три точки зрения: 1) фразеология должна изучать сочетаемость вообще [М. М. Копыленко (Алма-Ата), И. А. Мельчук (Москва), В. Д. Ушаков]; 2) предмет фразеологии — лексическая идиоматика [Е. Р. Ерпова-Белецкая (Краснодар), Э. Х. Ротт (Челябинск)]; 3) фразеология должна изучать все типы устойчивых словосочетаний [Ю. Ю. Авалиани, А. В. Кунин, Р. Н. Попов, Л. И. Ройзензон и др.].

По вопросу о дифференциальных признаках ФЕ большая часть исследователей сходится в том, что поиски единственного релевантного признака ФЕ безуспешны. Не может быть признан таковым и признак окружения, выдвинутый М. Т. Тагиевым. Фразеологизм как самостоятельная единица языка может быть выделен лишь на основе комплекса признаков (А. В. Кунин, Л. И. Ройзензон и др.).

При обсуждении вопроса о сопоставлении компонента фразеологизма со словом в противовес точке зрения о несоевместимости

мости компонента ФЕ со словом была высказана точка зрения о том, что вопрос о степени утраты компонентами ФЕ статуса слова должен решаться различно по отношению к различным группам ФЕ того или иного языка, ибо в некоторых группах ФЕ компоненты в некоторой мере сохраняют характер слова (наличие парадигм, возможность вычленил значение компонента из значения всей ФЕ и др.). О возможности соизмерять компонент ФЕ со словом говорилось в сообщениях И. В. Дубинского (Вак), Л. Я. Костючук (Псков), Ф. А. Литвина (Орел), Р. Л. Ляидо и Н. М. Малкиной (Воронеж), В. М. Лебединской (Курган), Р. И. Охштан (Самарканд), Г. П. Манушкиной (Рязань) и др.

Значительное место в работе симпозиума заняли вопросы, связанные со всесторонним сопоставлением ФЕ и слова на семантическом уровне на материале различных языков [сообщения Л. А. Буторовой (Ворошиловград), М. Д. Городниковой (Москва), З. Г. Ураксина (Уфа), М. Ю. Тихоновой (Самарканд), С. Г. Шудежковой (Магнитогорск), Т. А. Тулиной (Одесса), И. В. Коссека (Одесса) и др.]. Вопросы сопоставления типов значений ФЕ и слова были затронуты в докладах В. П. Жукова, А. В. Кунина, И. И. Чернышевой, а также в сообщениях М. Ф. Палевской (Кипишев), Л. В. Шевелевой (Москва) и др.

Сопоставительное рассмотрение явлений полисемии, синонимии и антонимии в лексике и фразеологии было проведено в сообщениях А. И. Алексинной (Челябинск), В. И. Зимина (Москва), С. И. Тышлера (Саратов), О. М. Ким (Ташкент), М. Х. Хусайнова (Самарканд), М. И. Задорожного (Москва), А. М. Эмировой (Самарканд) и др. Обсуждался также вопрос о сопоставлении вариантности ФЕ и слова, различные аспекты стилистики фразеологизмов и слов, грамматический аспект проблемы ФЕ — слово, вопросы лексикографического описания ФЕ и слова, вопросы перевода и заимствования фразеологизмов и слов.

Для окончательного выяснения соотношения ФЕ — слово следует рассмотреть его на материале всех групп ФЕ, выделяемых по самым различным признакам (семантическому, структурному, функциональному и др.). На настоящем симпозиуме этого еще не было сделано. Была выделена лишь одна группа ФЕ — компаративные, которые рассматривались в сопоставлении со словом [К. М. Голумянц (Минск), А. Г. Назария (Москва), В. Ф. Мейеров (Иркутск), С. И. Ройзепзон, Н. М. Сидякова (Волгда), А. Л. Холодная (Черновцы)]. Из тех групп ФЕ, принадлежность которых к фразеологии признается во

всеми, на симпозиуме были обсуждены лишь терминологические сочетания².

На симпозиуме впервые была сделана попытка создать координационный центр научных исследований по фразеологии. Учитывая большую работу, проводимую Самаркандским государственным университетом в области фразеологии, симпозиум принял решение просить Министерство высшего и среднего специального образования СССР считать Самаркандский университет им. Алишера Навои головным вузом в области исследований по фразеологии, высяив ему в обязанности: а) координацию совещаний по фразеологии; б) координацию научно-исследовательских работ; в) издание межузовского ежегодника «Вопросы фразеологии» и общесоюзного «Фразеологического бюллетеня».

Следующую фразеологическую конференцию по проблеме «Сочетаемость слов и словесных значений» предполагается провести в 1975 г. в г. Алма-Ате.

И. В. Абрамец, Р. И. Могилевский
(Самарканд)

*

15 июля 1970 г. в Пскове при раскопках у здания педагогического института была найдена берестяная грамота. Три обрывка бересты с текстом были обнаружены студентами исторического факультета ПГПИ Т. Карпеченковой и П. Герасимовичем при расчистке нижней части печного столба в срубе конца XII — начала XIII в. По залеганию дата грамоты определяется широко: XI — начало XIII в. Палеографический анализ текста позволяет уточнить дату.

Три фрагмента грамоты представляют собой часть двустороннего текста, причем два фрагмента соединяются, будучи лишь немного повержены в месте соединения, третий же, являющийся начальной частью грамоты, не совмещается с двумя другими.

Общая длина сохранившихся обрывков — 30 см при ширине 0,3—2,2 см. Сохранность бересты плохая, что затрудняет прочтение текста. В грамоте около 60 полных букв. Лучше всего читается начало: «От Герасима съ Кюр...». Работа над чтением грамоты продолжается. (Публикация находки будет подготовлена для журнала «Советская археология».)

Новая находка, наряду с двумя предыдущими³, свидетельствует об использова-

² Все сообщения и дискуссионные выступления будут опубликованы в сб. «Вопросы фразеологии», 5, Самарканд, 1971.

³ Первая и вторая грамоты в Пскове были найдены при раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа в 1958 и

нии бересты как писчего материала и о грамотности в средневековом Пскове

И. К. Лабутина (Псков)

1—4 февраля 1971 г. в Библиотеке АН СССР состоялось совещание по подготовке «Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв.», созданное Археографической комиссией при Отделении истории АН СССР и БАН. В совещании приняли участие лингвисты (Институт русского языка, Институт языкознания, ЛГУ), литературоведы (ИРЛИ, ЛГУ, Сибирский филиал АН), историки (Институт истории АН — его московское и ленинградское отделения, Институт славяноведения и балканистики), искусствоведы (Институт истории искусств Министерства культуры СССР, Академия художеств, ГБЛ, ГПБ), музыковеды (Ленинградская консерватория), занимающиеся изучением древнего рукописного наследия. Главными участниками совещания были энциклопедически образованные благодаря многолетней археографической работе в древлехранительных подразделениях рукописных отделов БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ и других библиотек и архивов нашей страны.

Для того чтобы совещание прошло в максимально деловой обстановке, к нему были заранее подготовлены разнообразные материалы для обсуждения, концентрированно обобщающие практику археографической работы крупнейших книгохранилищ: БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ. Таковы были таблицы, отражающие состав и последовательность элементов описания, последовательность элементов в наименованиях памятников письменности безымянных и имеющих действительного или гипотетического автора, практику книгохранилищ в показе даты рукописей, описании филиграней, обозначении формата и размера рукописей, количества листов, сохранности текста, передачи шифров, определении типов письма и количества писцов, указаний на писчий материал, сведений о переплетах, описаний украшений, приведения записей и библиографии рукописей. Особо предполагалось обсудить проект списка названий древнейших памятников с рекомендуемыми и не рекомендуемыми, но встречающимися названиями памятников. Этот список был подготовлен при

1962 гг. и относится к XII в. См.: Г. П. Гроздилов, Раскопки древнего Пскова (1956, 1958—1960 гг.), «Сообщения Государственного Эрмитажа», ХХIII, Л., 1962; В. Д. Белецкий, Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа, там же, ХХIX, Л., 1968.

консультации Н. Б. Тихомирова на основании «Указателя памятников древней славянской письменности», составленного в свое время Л. П. Жуковской (см. «Советское славяноведение», 1969, 1).

Как известно (см. ВЯ, 1969, 1), Археографической комиссией был издан «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (см. «Археографический ежегодник за 1965 г.», М., 1966). В настоящее время ведется работа по составлению аналогичного по объему сведений «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в.», в который войдет свыше трех тысяч рукописей. Вместе с тем начата работа по более полному описанию рукописей XI—XIV вв., которых по «Предварительному списку» выявлено 1494 единицы хранения.

Совещание открыл С. О. Шмидт, председатель Археографической комиссии. Он сообщил, что в работу по составлению «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», включились специалисты разных профилей: историки, филологи, историки литературы, палеографы, искусствоведы. Многие ученые — сотрудники академических институтов, библиотек, университетов, музеев — работают для каталога на общественных началах. Так же осуществляют руководство каталогами Е. Э. Гранстрем (ГПБ) — греческий выпуск «Сводного каталога», А. Д. Люблинская (ЛОИИ) — латинский выпуск и Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) — славянский выпуск «Сводного каталога». С. О. Шмидт подчеркнул, что Ленинград стал местом проводимого совещания потому, что старые традиции русской науки по изучению древнего рукописного наследия здесь достойно продолжают наши современники, работающие в разных областях гуманитарных наук.

Сотрудник Археографической комиссии Н. Б. Шеламанова осветила историю работы Археографической комиссии по составлению «Сводного каталога рукописей» с 1960 г., когда эту работу возглавлял академик М. Н. Тихомиров; другой сотрудник — М. Б. Булгаков — сообщил о работе Археографической комиссии по составлению «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в.». В ходе последней были опрошены около 900 хранилищ страны — музеев, архивов, библиотек и т. п., в которые было послано около 3000 разнообразных запросов. Славяно-русские рукописи XV в. обнаружены в 60 хранилищах страны, причем подавляющее большинство их находится в ГПБ — 800, ГБЛ — 750 и ГИМ — 720.

В докладе «О задачах совещания» руководитель славянского выпуска «Сводного каталога» Л. П. Жуковская подчеркнула, что главной задачей совещания является выработка рекомендаций для

высококвалифицированного, идентичного описания рукописей в разных хранилищах. Дело это осложняется недостатком квалифицированных кадров во многих хранилищах, необходимости участия в работе не менее 50 человек — сотрудников сорока хранилищ, обладающих разной подготовкой и неодинаковым опытом, по-разному владеющих специальными науками, относящимися к отдельным сторонам археографической деятельности: датировке рукописей, определению характера письма, установлению территориальной и языковой принадлежности рукописи, квалификации миниатюр, орнамента и других украшений рукописей, определению содержания памятников, квалификации рукописей с древней нотацией и старыми акцентными знаками и т. д. и т. п. К тому же в разных хранилищах неодинаковы возможности для сопоставительного изучения рукописей, для получения консультаций у работников вузов и искусствоведческих учреждений, неодинаковы даже возможности использовать разнообразие археографические пособия: палеографические альбомы и исследования, альбомы филиграней, наиболее подробные описания прошлых лет (Востокова, Горского и Невоструева, Абрамовича и др.). Как правило, в хранилищах, имеющих слабые археографические кадры древников, состояние описания фондов хуже, чем в хранилищах, имеющих длительные собственные традиции в изучении и описании древних рукописей. Все это требует от работников основных хранилищ организовать помощь работникам мелких хранилищ и определить пути повышения научной ценности будущего «Сводного каталога славяно-русских рукописей».

Л. П. Жуковская особо остановилась на вопросе авторства в «Сводном каталоге»: авторами должны быть люди, действительно описывающие рукописи, — это должно способствовать авторитетности издания. В прениях акад. Д. С. Лихачев, А. Д. Люблинская, С. О. Шмидт, А. И. Копанев (ЛОИИ) и др. поддержали это мнение Л. П. Жуковской. О. В. Творогов (ИРЛИ) и М. В. Кукушкина (БАН) внесли предложение о необходимости составления квалифицированными кадрами ученых-древников, работающих в книгохранилищах и в других научных учреждениях, методических записок по описанию отдельных видов памятников письменности и по разным элементам археографического описания. Это предложение было принято.

На первом заседании прения были посвящены обсуждению задач и принципов каталога, на последующих обсуждались составные элементы описания рукописей и структура «Сводного каталога славяно-русских рукописей».

В своем выступлении Д. С. Лихачев

обратил внимание на то, что ошибки или пропуски в «Каталоге» могут закрыть рукопись для будущих исследователей, а это более опасно, чем отсутствие «Каталога». Он предложил ввести «знак неуверенности» для не вполне ясных случаев при разных элементах описания. Вместе с тем, по мнению Д. С. Лихачева, несомненно, что работа над составлением «Сводного каталога» явится «лучшим университетом» для специалистов по изучению рукописей.

Дискуссию вызвал вопрос об определении языка рукописи. В. В. Колесов (ЛГУ) считает необходимым не только обычно принятое в описаниях определение извода рукописи, но и определение диалектных особенностей промежуточных списков и диалектной принадлежности писцов. Для XV в. он рекомендовал обращать внимание на акцентуацию рукописей как на средство установления школ писем. Н. Б. Тихомиров в ГБЛ, Л. П. Жуковская и С. О. Шмидт говорили о необходимости ограничиться указанием языка (извода) рукописи, так как при отсутствии специалистов-лингвистов в книгохранилищах (исключение — Н. Б. Тихомиров в ГБЛ и О. П. Лихачева в БАН) определение диалекта писцов трудно осуществить в сроки, принятые для «Сводного каталога» (1975 г.). Причем даже и для определения русского, сербского и болгарского изводов рукописей потребуются помощь работников университетов и педвузов, знающих основные факты истории славянских языков.

Совещание проходило в деловой обстановке; его многочисленные и разные по основному профилю собственных исследований участники имели возможность многократно обменяться своими соображениями по обсуждавшимся вопросам.

Л. Ж.

16—18 февраля 1971 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялось расширенное заседание Филологической секции Ученого совета, на котором развернулась дискуссия по актуальным вопросам семантики; было прослушано 100 докладов, с которыми выступили ученые из 12 городов.

Открывая дискуссию, В. М. Солнцева (Москва) отметил важное значение, которое имеют вопросы семантики для современной лингвистики, и необходимость дальнейшей их разработки.

На пленарных заседаниях было прослушано девять докладов. В докладе И. Ф. Вардуля (Москва) «О семантике и ее месте в лингвистическом описании» определен подход к языку как к интерпретированной многоярусной системе. Лингвистическое описание подразделяется в соответствии с членением языка на основе отношения языковых единиц друг к другу. Семантика же не

образует единого раздела описания. Сведения о семантическом аспекте языка распределены между разделами, выделяемыми в описании по мере выделения соответствующих классов единиц. И. Ф. Вардуль считает неправомерным отождествлять семантику с описанием плана содержания.

В докладе Г. П. Мельникова (Москва) «Типы мыслительных единиц, обозначающих языковым знаком» проводилась идея о том, что обозначаемым языковых знаков являются мыслительные единицы, сами по себе не имеющие прямого отношения к языку, но в процессе коммуникации превращающиеся в актуальные значения языковых знаков. В докладе предложены способы классификации таких единиц.

В. М. Солнцев в докладе «Проблема значения и значимости лексических единиц с точки зрения теории отражения» спорил с известным тезисом Ф. де Соссюра о том, что значение слова зависит от его значимости. По мнению докладчика, значение слова как отражаемая категория зависит от внеязыковой реальности, а значимость слова в системе определяется его значением. Несовпадение значений аналогичных слов в разных языках — следствие того, что в сознании людей, живущих в разных условиях, по-разному отражаются признаки и свойства предметов и явлений.

С. К. Шаумян (Москва) в докладе «Семантические аспекты теории генотипического языка» исходил из того, что естественные языки следует рассматривать как различные преобразования недоступной прямому наблюдению основы — генотипического языка. Он остановился также на проблемах смысловой записи, предлагая в качестве основы информационных языков использовать язык, состоящий из лексики того или иного естественного языка и аппликативной грамматики.

В докладе Ю. К. Лекомцева (Москва) «О принципах синхронистической лингвистической семантики» выделены содержательные предпосылки, на которых основываются рассуждения лингвистов о синхронистической семантике. В докладе были выделены основные принципы синхронистической семантики и обсуждались связи между ними.

Т. Н. Наумова и А. А. Леонтьев (Москва) в докладе «Гипотеза Сепира — Уорфа и семантика целого высказывания» рассмотрели эту гипотезу в свете понятий, принятых в современной психологии и социологии, и не согласились с исходным пунктом гипотезы, считая, что различия в поведении носителей разных языков могут быть обусловлены различиями в культуре. В докладе поставлена проблема соотношения семантики изолированного слова и семантики высказывания.

Ю. В. Ваников (Москва) в докладе «О некоторых специфических проблемах семантического синтаксиса» указал на возможность независимого описания семантической организации единиц. В докладе рассматривались также вопросы о семантических универсалиях, об отличиях семантических структур от формальных.

В. С. Храковский (Ленинград) в докладе «Типология пассивных конструкций» выдвинул концепцию, по которой пассивными следует считать такие предложения, в которых конкретный субъект не обозначается. Предлагаются признаки, по которым можно классифицировать языки с точки зрения типов пассивных конструкций.

В. П. Старинин (Москва) в докладе «Изосемантические ряды С. С. Майзеля» говорил о значении для этимологии и словообразования идеи выделения изосемантических рядов, устанавливающих равенство семантических отношений пар слов одного или разных языков.

Из пяти секций, на заседаниях которых продолжалась дискуссия, наиболее многочисленной по составу участников была секция «Общие вопросы семантики», где было прослушано 26 докладов.

С двумя докладами «Понимание как компонент исследования знаков» и «Значения как конструктивные компоненты знака» выступил Г. П. Щедровицкий (Москва). Он выразил несогласие со стремлением строить лингвистические и семиотические знания по образцу физики и химии (при этом теряется специфика лингвистики и семиотики — принципиальная однородность их объекта изучения с самим изучением и зависимость строения и законов жизни объекта от характера знаний о нем). Докладчик предложил модель ситуации деятельности и общения. Доклады Г. П. Щедровицкого вызвали оживленную дискуссию.

В докладе В. М. Розина (Москва) «Опыт методологического обсуждения предмета семантики» говорилось о необходимости различия семантики как нормативной дисциплины и семантики, относящейся к лингвистической науке. По его мнению, идеи параллелизма операций лингвистического анализа и рече-языкового бытия, параллелизма семантического плана и других планов языка могут быть пригодны лишь для нормативной дисциплины.

Б. Г. Тарбеков (Баку) в докладе «О „плане содержания“ с точки зрения перевода» говорил о проблемах коммуникации в рамках общей теории перевода и указал на многосторонность замещаемого знаком явления, которая проявляется в процессе перевода.

Вопросы семиотики рассматривались в докладах М. П. Папуша (Москва) «Лингвистическая семантика и проблема

единства семиотики», В. Н. С ъ е д и н а (Ленинград) «Порождение словаря естественного языка как семиотическая процедура утверждения истины», В. И. Р о л и ч а (Ленинград) «Язык как система знаков — пространственно-количественного содержания».

В докладе И. Ф. В а р д у л я «Семантика должна предшествовать предсемантике» говорилось о том, что семантические единицы языка передают информацию не непосредственно о действительности, а об идеальных референтах. Для изучения системы этих референтов, по мнению докладчика, нужно создать новую дисциплину — «предсемантику».

Вопрос о соотношении языковых знаков и их обозначаемых затрагивался в докладах Р. И. М о г и л е в с к о г о (Самарканд) «Строение аббревиатурных знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними и соотносительными словосочетаниями», В. А. С т р о г а н о в а (Москва) «К теории синхронного представления номинации».

Вопросам построения моделей речевого поведения были посвящены доклады В. Г. М а н у с а д ж я н а (Москва) «Метод естественной классификации слов и построение семантических полей языка» и В. Д. П и с ц о в а (Ленинград) «О значении морфем, слов и предложений в информационно-логической системе».

Несколько докладов было посвящено методике лингвистического описания. А. Н. А н и с и м о в (Москва) в докладе «Традиционная классификация языков и проблема содержания значения в геометрической интерпретации» рассматривал соотношения языка-объекта и метаязыка, а также вопрос об эталоне при построении понятийного языка. И. П. С у с о в (Тула) в докладе «О неправомерности противопоставления синтаксиса и семантики» призывал изучать в синтаксисе и формы, и значения. К. И. Л о г а ч е в (Ленинград) в докладе «Что такое так называемые служебные слова с точки зрения единиц языкового описания» уточнил понятие служебного слова.

В докладе В. М. С о л н ц е в а «Словарное и коммуникативное значение слова» значение знаменательного слова рассматривалось как отражающая категория, однородная с понятием, хотя и не равноценная ему. При использовании слова в качестве члена предложения его словарное значение сохраняется, но слово дополнительно приобретает коммуникативное значение. Вопрос о соотношении значения слова и понятия исследовался также в докладе М. Н. П р а в д и н а (Москва) «Значение и понятие».

В докладе И. Б. Д о л и н и н о й (Ленинград) «Предложение, ситуация, синтаксическая структура» рассматривалось соотношение семантической и син-

таксической структуры предложения; особенно исследовался случай, когда означаемое предложение включает в себя более, чем одну ситуацию.

В докладе В. В. Р а с к и н а (Москва) «Особенности семантики малых языковых подсистем» анализировались подязыки с ограниченным словарем, способные полностью обслужить определенную сферу реальности в качестве языка. Многие семантические проблемы могут быть скорее решены на материале таких подязыков, чем на материале языка в целом.

Связям семантики и фонологии были посвящены доклады В. Н. Б е л о о з е р о в а (Москва) «Место семантических единиц в фонологических структурах» и В. Б. К а с е в и ч а (Ленинград) «О соотношении знаковых и незнаковых единиц в слоговых и неслоговых языках».

На секции были также прослушаны доклады У. Ш. Б а й ч у р ы (Ленинград) «О системном подходе к исследованию семантических структур», Л. А. К и с е л о в о й (Ленинград) «Коммуникативные языковые функции и семантическое строение словесного значения», Л. М. В а с и л ь е в а (Уфа) «Единицы семантической системы языка», В. С. Г и м п е л е в и ч а (Баку) «Асемантические элементы в производных словах русского языка», В. Б. С м и р н о в с к о г о (Москва) «Функциональные особенности и значение нулевых фонем, морфем и слов» и Д. Е. З и л ь б е р м а н а (Москва) «Выявление семантики культуры через понимание текста».

На секции «Вопросы грамматической семантики» было прочитано 22 доклада. Общим вопросам грамматической семантики были посвящены доклады Б. Г. Л е м е ш к о (Ленинград) «Соотношение лексики и грамматики в лингвистических описаниях», Б. Ю. П о р м а н а (Минск) «Об универсальных грамматико-синтаксических потенциях части речи», Е. И. Ш у т о в о й (Москва) «К проблеме синтаксической семантики (определение содержания синтаксических единиц)»; М. Н. П р а в д и н а «Обобщающие слова (грамматика, логика, ситуация)». Три доклада — О. Г. Р е в з и н о й и С. Ф. Ч л е н о в о й (Москва) «К вопросу о семантике местоимений как части речи», С. Ф. Ч л е н о в о й «Взаимодействие числа и лица в системе личных местоимений», Ю. В. Б о л ь ш о в о й (Львов) «О синсемантической местоимений» — были посвящены местоимениям. О методике полевых исследований говорилось в докладе Б. Ю. Г о р о д е ц к о г о и В. В. Р а с к и н а (Москва) «Опыт описания синтагматической семантики шугнанского языка (по данным полевого исследования)».

Конкретным вопросам грамматической

семантики отдельных языков была посвящена доклад М. И. Муравичко (Киев) «Дистрибутивный и психолингвистический анализ семантики императивных форм русского языка в сопоставлении с французским», Е. Е. Корди (Ленинград) «Многозначность сочетания *être + participe passé* во французском языке», В. Н. Ерхова (Тула) «О функциях и значениях предлогов (на материале немецкого языка)», М. Р. Мелкумян (Ленинград) «Лексикоморфемный состав глагола и глагольная конфигурация (на материале армянского языка)», Н. А. Козиной (Ленинград) «Связь между лексической и грамматической семантикой при образовании залоговых форм глагола в современном армянском языке», Н. В. Омельянович (Москва) «Зависимость грамматического значения конструкции от лексического значения ее членов (на примере употребления отглагольных существительных с префиксом *a* в современном бирманском языке)», В. П. Липеровского (Москва) «О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди», Е. М. Быковой (Москва) «Семантическая классификация бенгальского глагола», Н. П. Голубевой (Москва) «Виды и соотношение связей слов в бинарном сочетании (на примере конструкции с винительным падежом в турецком языке)», С. Б. Янкивер (Москва) «Грамматическая омонимия в современном китайском литературном языке», Ю. Л. Благой (Москва) «О значении классификаторов современного тайского языка», Ю. А. Горгониева (Москва) «Глаголы с двойной дистрибуцией в кхмерском языке», Л. И. Шкарбан (Москва) «К семантической характеристике пассивных залогов в тагальском языке», В. М. Алпатов (Москва) «Значение категорий адресива и гоноратива в современном японском языке».

На секции «Вопросы лексической семантики» было прослушано 24 доклада. А. Е. Супрун и Б. А. Плотников (Минск) посвятили доклад «Манифестация значения и его дистрибутивный анализ» исследованию сочетаний слова с другими как одному из его семантических признаков. К этой же тематике примыкал доклад Л. В. Столбовой (Минск) «К изучению семантики путем анализа и лексико-синтаксических составностей». В докладе В. М. Лейкиной (Ленинград) «К проблеме неоднозначности и контекста» предложен один из возможных подходов к построению модели механизма контекстуального решения неоднозначности. А. М. Кузнецов (Москва) в докладе «Типы минимальных смысловых единиц, выделяемых при компонентном анализе лексических значений» классифицировал эти единицы.

В докладе И. В. Альтман (Москва) «О семантической структуре словообразовательных гнезд» предложена классификация словообразовательных гнезд на основе аппликативной порождающей модели.

Вопросам фразеологии были посвящены доклады Ю. А. Рубинчика (Москва) «О характере значений, выражаемых фразеологическими единицами», В. Д. Ушакова (Москва) «Некоторые замечания об идиоматичности и экспрессии в связи с местом идиоматических единиц (ИЕ) в системе языковых знаков», Р. Р. Юсиповой (Москва) «О формировании структуры некоторых глагольных фразеологизмов турецкого языка».

На секции были также прочитаны доклады Н. П. Романовой (Новосибирск) и А. Е. Карповича (Ленинград) «Термины, обозначающие план содержания и план выражения слова в русской и английской лексикологии», А. С. Юханова (Тула) «К вопросу о словообразовательной синонимии (на материале немецкого языка)», Р. С. Манучаряна (Ереван) «Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков)», В. А. Чернышева (Москва) «Семантическое поле терминологии родства в хинди», Г. Ш. Шарбатов (Москва) «Локальная маркированность семантических оппозиций в современном арабском литературном языке», Н. Д. Финкельберг (Москва) «Валентность слова и его семантическое содержание (на материале современного арабского литературного языка)», А. У. Каримова (Москва) «Сравнительный анализ лексики в йеменском диалекте и литературном арабском языке» и «Некоторые способы семантического словообразования в йеменском диалекте арабского языка (на материале ветовой лексики)»; Г. Г. Зарипова (Баку) «Основные принципы передачи и распределения значений вокабул в Арабско-азербайджанском словаре», А. К. Алеханова (Баку) «Залоговые показатели и субъектно-объектные отношения как структурные признаки иерархической дифференциации значений азербайджанского непроизводного глагола», В. И. Асланова (Баку) «О семантическом переразложении лексикализованных форм слов» (на материале азербайджанского языка); К. Т. Рамазанова (Баку) «О принципе семантической обязательности порядка компонентов парных слов — терминов родства и названий частей тела в тюркских языках юго-западной группы», А. Л. Семенов (Москва) «О семантике копулятивного сложения в китайском языке», Л. Б. Никольского (Москва) «Явление экстраполяции значения слова (на материале

корейского языка», И. И. Басс (Ленинград) «Семантическая структура глаголов движения в японском языке», З. П. Комоловой (Ленинград) «Семантическая мотивированность прагматиков (на материале товарных марок СССР и США)».

На секции «Семантика и история языка» было прочитано пять докладов. А. Е. Бертельс (Москва) в докладе «К вопросу о лексикализации терминов» исследовал процесс разрушения систем специальной лексики и перехода ее элементов в лексику разговорного языка. Н. А. Сыромятников (Москва) в докладе «Семантические компоненты родственных корней в японском языке» указал на существование во многих языках слов, корни которых обладают сходным звуковым составом и близкими значениями. В докладе Т. М. Гарипова (Уфа) «К установлению семантической дифференциации одноязычных структурных единиц в родственных языках (преимущественно на материале тюркских языков Урало-Поволжья)» исследовались случаи расхождений в значении генетически общих слов родственных языков, предлагалась тематическая группировка результатов изменений их значений. На секции также выступили Р. Г. Ахметьянов (Казань) с докладом «О некоторых семантических глечах в алтайских языках» и К. Е. Черевко (Москва) с докладом «О становлении японского письменного литературного языка (на материале литературно-исторического памятника „Кодзика“ 712 г.)».

На секции «Семантика и типология» было прослушано пять докладов. Г. П. Мельников в докладе «Семантика и системная типология» говорил о задачах этого раздела системной лингвистики. Л. В. Малаховский (Ленинград) в докладе «О возможности сравнительно-типологического исследования омонимии (к вопросу о семантических универсалиях)» предложил принципы построения универсальной классификации омонимов. В докладе В. И. Асланова «К проблеме типологических сходжений в лексико-семантических параллелях» рассматривались такие параллели в ряде языков, которые нельзя объяснить как заимствования или калькирование и которые нет основания считать случайными. Были также прочтаны доклады И. Г. Добродомова (Москва) «Типология и причины семантических сдвигов при заимствовании лексем» и А. А. Москалева (Москва) «Об омонимии в хму и чжуан (на материале односложных слов)».

Материалы конференции будут опубликованы.

В. М. Алпатов (Москва)

*

20–23 апреля 1971 г. в Ленинграде состоялась научная конференция «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков», организованная ЛО Института языкознания АН СССР и Ленинградским пед. ин-том им. А. И. Герцена. В ее работе приняли участие свыше 400 языковедов более чем из 50 городов нашей страны. Было прочитано 25 докладов и 24 сообщения, в которых рассматривались следующие проблемы: 1) аспекты предложения; 2) основная синтаксическая единица; 3) предикативность; 4) синтаксическая парадигматика; 5) сложное синтаксическое целое⁴.

В своем вступительном слове член-корр. АН СССР А. В. Десницкая (Ленинград) отметила своевременность конференции и актуальность поставленных на ней вопросов.

Дискуссию по первой проблеме открыл доклад В. Г. Адмони (Ленинград) «Аспекты предложения и система типов предложения». Докладчик разграничил содержательные и композиционные аспекты: содержательные аспекты (логико-грамматический, модальный и др.) связывали с выражением какого-либо грамматического значения и относятся к системе отношений языка; композиционные аспекты, среди которых наиболее существенны аспекты «собранности» и «напряженности», представляют собой разнообразные способы организации предложения и относятся к системе построения языка. Система типов предложения, выделяемых в рамках его различных аспектов, образует парадигматику предложения.

По мнению Н. Д. Арутюновой (Москва), автора доклада «О взаимодействии номинативного и коммуникативного аспектов предложения», различение названных аспектов содействует решению ряда спорных вопросов синтаксиса. Так, противопоставление подлежащего дополнениям не имеет большого значения с точки зрения номинативного аспекта, но оно приобретает первостепенную важность при обращении к коммуникативной стороне предложения. В докладе В. И. Кодухова (Ленинград) «Предложение как структурная и коммуникативная единица» все языковые единицы делятся на два типа: с одной стороны, фонологические и морфологические единицы, обладающие прежде всего структурной функцией, а с другой —

⁴ Тезисы большинства докладов и сообщений опубликованы в брошюре: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов», Л., 1971.

лексические и синтаксические единицы, имеющие непосредственное коммуникативное назначение. Предложение — основная структурно-коммуникативная единица. Коммуникативная функция, говорил Г. В. Валимова (Ростов-на-Дону) в докладе «О предложении и других структурах коммуникативного «синтаксиса», постоянно присуща предложению, однако эту функцию могут выполнять также единицы других уровней, лишённые синтаксических признаков предложения.

Е. В. Гулыга (Москва) в докладе «О семантике предложения» защищала тезис о том, что семантику предложения следует ограничивать от индивидуального смысла конкретного предложения, подобно тому, как грамматическое значение словоформы отделяют от лексического значения слова. Семантика предложения в самом общем виде есть выражение отношений, реализуемых в предикативности и модальности. «Аспекты предложения как уровни его семантической структуры» были темой доклада И. П. Сусова (Тула).

По аспектам предложения были прослушаны также сообщения: Н. Ф. Иргемьевой (Москва) «Информативное членение предложения», И. А. Фроловой (Липецк) «К вопросу о модальности как одном из аспектов предложения», К. А. Гузеевой (Ленинград) «Принципы выделения неполных предложений», Я. Я. Розенберга (Рига) «Некоторые аспекты изучения структуры предложения и коммуниката», М. Я. Блоха (Москва) «О различии так называемых глубинной и поверхностной структур предложения», Ю. Ю. Карклиньша (Рига) «О некоторых аспектах изучения структуры предложения в латвийском языке».

В оживлённых прениях по аспектам предложения выступили: Н. Н. Арват (Черновцы), В. Я. Бисеник (Рига), В. В. Богданов (Ленинград), А. Ф. Прияткина (Владивосток), А. А. Смольевский (Ленинград), Т. А. Тулина (Одесса) и др.

Обсуждение второй проблемы было начато докладом Н. Ю. Шведовой (Москва) «Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения». Выразив сомнение в правомерности самой постановки вопроса об одной основной единице синтаксиса, Н. Ю. Шведова описала синтаксис как систему разнообразных по своей природе и разнообразно связанных основных единиц. На первых ступенях анализа выделяется пять основных единиц: форма слова, словосочетание, простое предложение, сложное предложение и текст (сложное синтаксическое целое); при дальнейшем изучении различных аспектов названных единиц обнаруживаются основные единицы для каждого аспекта (например,

основные единицы актуального членения предложения).

А. М. Мухин (Ленинград) в докладе «Предложение как основная синтаксическая единица» говорил о главенствующей роли простого предложения, с одной стороны — по отношению к синтагме, выделяемой в рамках простого предложения, а с другой — по отношению к периоду, образуемому объединением простых предложений. З. Д. Попова (Воронеж), выступившая с докладом «Синтаксическая форма как предмет синтаксиса», также считает простое предложение основной синтаксической единицей.

В докладе Ю. М. Скребневая (Горький) «К критике проблемы универсальной единицы синтаксиса» утверждалось, что расчленённость текста на предложения — иллюзия. Реален, т. е. объективно задан, лишь континуум текста, способы членения которого могут быть различны в зависимости от целей исследования.

И. И. Волосевич (Ленинград), А. В. Зубов (Минск), А. А. Коверин (Ленинград), З. Г. Мануков (Махачкала), И. В. Михайлова (Ленинград), Р. Г. Пиотровский (Ленинград) представили коллективный доклад «Элементарные синтаксические единицы в машинной грамматике», в котором они изложили разработанную ими процедуру синтаксического анализа, осуществляемого электронно-вычислительной машиной при переводе с одного языка на другой. И. А. Мельчук (Москва) в докладе «Синтаксические единицы и строение синтаксического компонента описания языка» рассказал о роли синтаксического уровня в системе преобразования смысла в текст и обратно. В качестве синтаксических единиц здесь фигурируют: 1) синтаксические обусловленные морфологические характеристики лексем; 2) поверхностно-синтаксические отношения; 3) глубинно-синтаксические отношения; 4) классы слов и т. п. Доклад «О синтаксических единицах в английской грамматической традиции» прочитала Л. Л. Иоффик (Ленинград).

С сообщениями о синтаксических единицах выступили: В. А. Корнилов (Липецк) «Сочетаемость дифференциальных признаков синтаксической единицы», У. Ш. Байчур (Ленинград) «К определению основной синтаксической единицы», И. Б. Долинина (Ленинград) «Проблема выделения минимальной и максимальной единиц синтаксического анализа», Е. Н. Ширяев (Москва) «Высказывание как основная единица разговорного языка», А. Н. Печников (Ульяновск) «О сущности и форме словосочетания», Е. А. Блинова и А. В. Жугра (Ленинград) «О грамматической единице как единице

синтаксического уровня», В. П. М а л а - щ е н к о (Ростов-на-Дону) «О семантической связи свободно присоединяемых предложных конструкций с основой предложения».

Доклады и сообщения по синтаксическим единицам вызвали широкую дискуссию, в которой приняли участие: Л. Г. Ботина (Самарканд), Л. К. Дмитриева (Ленинград), Л. Р. Зиндер (Ленинград), С. Х. Иоффе (Ленинград), В. И. Ролич (Ленинград), Г. Г. Сильницкий (Смоленск), Л. Д. Чеснокова (Таганрог), Г. П. Щедровицкий (Москва) и др.

По третьей проблеме доклады прочитали: С. Г. И л ь е н к о (Ленинград) «Персонализация и синтаксическая категория лица как средство формирования и реализации предикативности предложения», Г. А. З о л о т о в а (Москва) «Категория предикативности в отношении к форме и функции предложения», А. В. Б о н д а р к о (Ленинград) «Предикативность и функционально-семантические категории», И. Ф. В а р д у л ь (Москва) «О предикативности и предложении», И. П. Р а с п о п о в (Воронеж) «Об иерархической организации конструктивного состава предложения», Н. М. А л е к с а н д р о в (Ленинград) «К вопросу о предикативности», И. И. Р е в а н (Москва) «Логико-грамматический тип предложений тождества», Сообщения сделали: Г. М. Р а й х е л ь (Калинин) «Предикативность и предложение», А. С. С а д ы к о в (Ташкент) «Актуальное членение предложения и проблема предикативности», С. А. Ш у б ы к (Ленинград) «Предикативность как отличительный признак предложения».

С. Г. Ильенко выдвинула тезис о том, что в основе формирования предикативности — отнесения содержания высказывания к действительности — лежит принцип персонализации, т. е. выражение позиции говорящего как информатора. Позиция говорящего проявляется в синтаксических категориях лица, времени и модальности. Г. А. Золотова также утверждала, что предикативность каждого предложения характеризуется совокупностью данных трех категорий; эти категории в сочетании со структурным типом предложения составляют его форму. В докладе А. В. Бондарко было обращено внимание на функциональный аспект предикативности и ее выражение в функционально-семантических категориях, в состав которых, помимо модальности, темпоральности и персональности, вводится категория временной локализованности; проведено различие между потенциальным центром предикативности в языке и позицией предикативности в речи. По мнению И. Ф. Вардуля, предложение нельзя определять через предикативность: с одной

стороны, не всякое предложение предикативно, а с другой — не всякое предикативное построение является предложением. И. П. Распопов охарактеризовал сказуемое как вершину иерархии складывающихся в предложении отношений — оно диктует общий план, по которому разворачивается конструктивный состав предложений. О возрастающей роли существительного в современных индоевропейских языках говорил Н. М. Александров. И. И. Ревзин стремился показать, что логико-грамматический тип предложений тождества представляет собой структуру с двумя подлежащими и сказуемым *быть*.

По докладам и сообщениям о предикативности выступили: В. Д. Максимов (Тула), А. А. Новиков (Смоленск), Л. П. Старосельцев (Ленинград), М. Д. Фридман (Житомир), С. Н. Цейтлин (Ленинград) и др.

Четвертой проблеме были посвящены доклады Н. Д. А н д р е е в а (Ленинград) «Синтаксическая парадигматика» и В. С. Ю р ч е н к о (Саратов) «Предложение, его основной тип и парадигма», а также сообщения М. Ф. Ч и к у р о в о й (Тула) «К вопросу о синтаксической парадигматике», Е. Е. К о р д и (Ленинград) «Парадигматика пассивных предложений» и Д. Т. Т а д ж и е в а (Душанбе) «Парадигматика сложно-подчиненного предложения и типология придаточных предложений».

Н. Д. Андреев рассматривал синтаксическую парадигматику в связи с вероятностной дополнительной дистрибуцией, т. е. с таким явлением, когда две лексико-синтаксические валентности практически никогда не реализуются в предложении одновременно. Докладчик высказал предположение, что синтаксическая парадигматика характеризуется количественной мерой обязательности факультативности своих компонентов и поэтому должна исследоваться в рамках структурно-вероятностного анализа. По мнению В. С. Юрченко, двусоставное именное предложение и односоставное глагольное являются производными от двусоставного глагольного предложения — основой синтаксической структуры, а односоставное именное предложение есть результат контаминации указанных производных структур. Взаимосвязь этих четырех типов предложения образует центральную синтаксическую парадигму.

В прениях вопросы синтаксической парадигматики обсуждались Г. Г. Инфантовой (Таганрог), Н. Н. Матвеевой (Ленинград), Н. В. Соколовой (Ленинград), Э. К. Тарлановым (Петрозаводск) и др.

Пятая проблема рассматривалась в докладах Е. А. Р е ф е р о в с к о й (Ленинград), «Сверхфразовое единство», Т. И. С и л ь м а н (Ленинград) «Структура абзаца и принципы его разворачи-

ния в художественном тексте» и Э. И. Коротаевой (Ленинград) «О сложном синтаксическом целом».

Согласно докладу Е. А. Реферовской, сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) выделяется на основе ряда формальных показателей и представляет собой отрезок текста, состоящий из двух или нескольких компонентов, оформленных в виде целых предложений или отдельных членов предложения; связь между компонентами сверхфразового единства осуществляется сочетанием синтаксических и лексических средств. Т. И. Сильман охарактеризовала абзац (в эпической поэме — строфы) как художественное средство преобразования стихийной непрерывности жизненного потока в упорядоченную последовательность отделенных друг от друга звеньев. Классическая форма абзаца состоит из трех частей: зачина, дающего краткую экспозицию абзаца и указывающего на его связь с предшествующим повествованием; разработки, раскрывающей внутреннее содержание абзаца, и концовки, имеющей итоговую, суммирующую семантику. В докладе Э. И. Коротаевой была раскрыта художественная изобразительность абзаца и сложного синтаксического целого на материале повести И. А. Бунина «Деревня».

Сообщения о сложном синтаксическом целом были сделаны: И. Я. Чернухиной (Воронеж) «Сложное целое и сверхфразовое единство», Р. П. Рогожниковой (Ленинград) «Сложное целое и структура сложного предложения», И. А. Половой (Москва) «О формах сочетания членов предложения и предложений в современном русском языке», О. Г. Ревзиной (Москва) «Роль грамматических категорий в организации связей синтаксических единиц разной степени сложности», М. И. Ивановой (Тула) «Английское предложение как компонент текста».

По вопросам сложного синтаксического целого в прениях участвовали: М. Г. Свотина (Балазов), Л. Г. Фридман (Пятигорск), Д. Н. Шмелев (Москва), М. П. Якубович (Ленинград) и др.

Закрывая конференцию, В. Г. Адмони сказал, что она свидетельствует о большом интересе языковедов нашей страны к синтаксической теории. Конференция выявила существующие точки зрения по намеченным для обсуждения вопросам и содействовала их уточнению и углублению. Она показала, что в настоящее время отступают синтаксические концепции, стремящиеся абсолютизировать какие-либо стороны синтаксического строя или какие-либо методы его анализа. Многоаспектный характер синтаксических явлений привлекает внимание широкого круга исследователей.

Было принято решение систематически проводить дискуссии по теоретическим проблемам синтаксиса. Материалы конференции решено издать отдельным сборником.

С. А. Шубик (Ленинград)

•

8—10 июня 1971 г. в Ташкенте состоялось VI региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, организованное Президиумом АН УзССР, Ин-том языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.

Совещание открыл чл.-корр. АН УзССР М. К. Нурмухамедов, который отметил большое развитие диалектологии за время, прошедшее после V регионального совещания.

На совещании рассматривались вопросы составления диалектологических атласов отдельных тюркских языков, диалектных словарей, вопросы исторической диалектологии.

Ученые обменялись необходимой информацией о диалектологической работе, которая ведется в тюркоязычных республиках Советского Союза. Такая информация содержалась в докладах Н. Х. Максумовой (Уфа) «Башкирская диалектология и перспективы ее развития», А. Нурмагамбетова (Алма-Ата) «Казахская диалектология за последние годы», О. Бекбаулова (Нукус) «Некоторые особенности изучения диалектов каракалпакского языка», З. Б. Чадамба (Кызыл) «Изучение диалектов тулунского языка», А. Ю. Алиева (Наманган) «К вопросу об изучении узбекских говоров Наманганской области», К. Н. Назарова (Ташкент) «Из опыта составления диалектологического словаря североузбекских говоров».

Целый ряд докладов был посвящен проблемам разработки и составления диалектологических атласов различных тюркских языков. Б. Ч. Чарыяров и А. А. Аннануров (Алшхбад) «О состоянии диалектологической работы в Туркмении и вопросы составления атласа», А. Шерматов (Ташкент) «О диалектологическом атласе узбекских говоров низовья Капкадарья», Б. П. Тукан (Кишинев) «Молдавско-гагаузские языковые взаимоотношения и вопросы составления диалектологического атласа гагаузского языка», Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата) «Из опыта составления диалектологического атласа казахского языка», С. А. Атанязов (Алшхбад) «О некоторых опытах составления диалектологического атласа туркменского языка».

Г. Б. Бакинова (Фрунзе) в докладе «О составлении диалектологического атласа киргизского языка» отметила, что при сборе материалов для составления

диалектологических атласов следует учитывать этнические особенности носителей изучаемых говоров, специфику их географического расположения, контакты с соседними иноязычными народами.

Ш. Ш. Шаабдурахманов (Ташкент) в докладе «Об атласе узбекских народных говоров» сказал, что изучение диалектов узбекского языка ведется в трех направлениях: 1) исследование неизученных говоров, 2) составление диалектных словарей, 3) составление диалектологических атласов отдельных территориальных говоров. В настоящее время узбекская диалектология приступила к изучению говоров лингвогеографическим методом.

Г. Сапарова (Ашхабад) в выступлении «Некоторые морфологические особенности, отражаемые в диалектологическом атласе туркменского языка» рассказала о том, что в результате экспедиции выявлено большое число говоров в туркменском языке (раньше считалось, что их 22, а оказалось в два раза больше). В Чарджоуской области, например, обнаружены говоры с глагольной формой на *-мыш/-мш* (в литературном туркменском языке она имеет только модальное значение).

Д. Г. Тумашева (Казань) подчеркнула в своем выступлении необходимость координации работы по составлению диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза.

К. М. Мусаев (Москва) в докладе «К вопросу об интерпретации языковых аномалий (на материале тюркских языков)» подробно остановился на одной из фонетических аномалий — цоканье. Это явление представлено в диалектах тюркских языков Западной Сибири, Поволжья, Северного Кавказа, Западной Украины, Азербайджана, Турции. Некоторые ученые подобные аномалии считают исконно тюркскими явлениями, другие — результатом контактирования с ипосистемными языками. По мнению К. М. Мусаева, каждый случай цоканья нужно рассматривать конкретно, в зависимости от исторических условий развития каждого языка.

Ф. А. Абдуллаев (Ташкент) в своем выступлении указал на необходимость глубокого изучения фонетических соответствий в тюркских языках и их диалектах; результаты такого изучения послужат основой для исследований в области исторической фонетики. Для работы по составлению диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза большое значение, по мнению Ф. А. Абдуллаева, имеет изучение языковых взаимоотношений и взаимовлияний.

Г. Садвакасов (Алма-Ата) в докладе «К вопросу о взаимодействии уйгурского и узбекского языков», рассказав об истории появления уйгуров в

Ферганской долине, отметил те экстралингвистические факторы (совместное ведение хозяйства, одинаковые экономические условия носителей языков), которые обусловили сближение двух близкородственных языков — уйгурского и узбекского. Взаимодействие двух языков прослежено в фонетике и в лексике. Отмечалось, что под влиянием узбекского многие специфические черты уйгурского утрачены.

В докладе С. Омарбекова и А. Джунусова (Алма-Ата) «Узбекские заимствования в языке казахов, проживающих на территории Узбекистана (Ташкентская область)» отмечалось, что влияние узбекского языка на казахский обусловлено окружающей средой, историческими условиями и взаимосвязями, установившимися между местным населением и пришельцами. При проникновении в казахский язык узбекские элементы претерпевают как фонетические, так и семантические изменения (сужение или расширение значений). Заимствуются не только имена, но и другие части речи (например, послелоги). Лексические заимствования чаще всего прослеживаются в названиях предметов домашнего обихода, жилищной постройки, кулинарных изделий, кушаний, в терминах земледелия, садоводства, ирригации, хлопководства и др.

Три доклада были посвящены проблемам исторической диалектологии тюркских языков, которая, по общему признанию, находится на начальном этапе своего развития. Это доклады Л. П. Сергеева (Чебоксары) «О некоторых вопросах исторической диалектологии чувашского языка», Э. И. Фазылова (Ташкент) «Труды восточных филологов — источник истории диалектов тюркских языков» и Ш. Ш. Шукурова (Ташкент) «К вопросу об исторической диалектологии узбекского языка». Докладчики признали, что, наряду с современными народными говорами, памятники старотюркского письменного языка являются основными источниками для исторической диалектологии.

Ш. Ш. Шукуров подчеркнул, что наряду с современными узбекскими народными говорами, памятники староузбекского письменно-литературного языка, хотя в них крайне слабо отражены диалектизмы, являются основными источниками для исторической диалектологии узбекского языка.

Относительно небольшим было число докладов, в которых были представлены итоги монографического обследования отдельных тюркских диалектов и говоров: С. Омарбеков (Алма-Ата) «Диалектные особенности говоров казахов, проживающих в Мангышлаке», Н. Дж. Джунусов (Нукус) «Некоторые особенности говора казахов, проживающих в Каракалпакской АССР», Э. Ш. Ширалиев

(Ленинабад) «О говоре узбеков, проживающих в северной части Таджикистана».

М. М. М и р а з а е в (Бухара) в докладе «Исследование синтаксиса говоров узбекского языка Бухарской области» рассказал, что в результате непосредственного наблюдения над языком, магнитофонной записи связной речи (рассказы, сказки, беседы) накоплен большой материал по синтаксису, составлена многочисленная картотека. Эти материалы позволяют составить представление о своеобразии синтаксической структуры изучаемых говоров по сравнению с узбекским литературным языком.

К. Б е к т а с и (Чимкент) в докладе «Вопросы применения кибернетических методов в диалектологии» поделился опытом изучения частотности шумных соглас-

ных в кыпчакской группе тюркских языков. В казахском эта частотность составляет 48%, в каракалпакском 34%, в ногойском 43%. В настоящее время исследуются диалекты узбекского языка — уйгуро-чигиле-карлукский, кыпчакский и огузский.

Чл.-корр. АН КиргССР К. К. Ю д а х и н в заключительном слове, отметив достижения тюркской диалектологии за последние годы, остановился на перспективах развития этой отрасли тюркского языкознания.

Намечено провести VII региональное совещание по диалектологии тюркских языков в 1973 г. в г. Алма-Ате.

Э. И. Фазылов, Л. Г. Чичулина (Ташкент)